

А. Стендера-Петерсена,⁸ содержит чисто фольклорный мотив присылки даров греческим императором. В литературе укрепилось мнение, что этот фольклорный мотив в «Слове о погибели» содержит первые следы легенды о Мономаховых регалиях.⁹ Таким образом, в литературе была объяснена хронологическая ошибка «Слова о погибели» и были сделаны предположения относительно связей мотива присылки даров с эпической традицией о Мануиле Комнине и с легендой о венце и бармах Мономаха. Но обнаружение источника хронологической ошибки («Никифорова летописца вскоре») и указания на связь мотива присылки даров с фольклором еще не показывают, для каких художественных целей автору «Слова о погибели Русской земли» нужно было сопоставлять императора Византии с Владимиром Мономахом. Нам представляется необходимым выяснить, случайно ли автор использовал «Никифоров летописец вскоре» и известие летописи о присылке на Русь даров в 1164 г. или хронологическая ошибка здесь была допущена по воле автора, который строил свою художественную концепцию и использовал для гиперболического изображения Владимира Мономаха некоторые устно-поэтические и книжные источники?

Исследователи «Слова о погибели» не обращали внимания на аналогичный мотив присылки даров византийским императором Мануилом Комниным царю и пресвитеру Иоанну в «Сказании» или «Повести об Индийском царстве». В ней рассказывается о том, что Мануил, царь греческий, отправил послов к Иоанну, царю и пресвитеру индийскому, с дарами и поручением узнать о его могуществе, о чудесах и о богатствах Индийского царства. Иоанн гордо и пренебрежительно отвечает, что если Мануил хочет узнать его силу и все чудеса его земли, то пусть продаст всю греческую землю и сам придет к нему на службу. А он сделает его вторым или третьим своим слугой. А если бы Мануил и был в десять раз выше, то все равно не описать ему со всеми его книжниками на харатье богатств Индийского царства, а цены царства Мануила не хватит даже на покупку харатьи. Далее идет пространное описание богатств сказочной Индии.

Черты образа Мануила Комнина в «Повести об Индийском царстве» в русской редакции имеют много общего с чертами Мануила в «Слове о погибели Русской земли». Мануил, а с ним и все греческое царство, испытывают большое унижение, не имея возможности сравняться в богатстве, силе, могуществе и правоте с Индийской и с Русской землей. Так же как в романе об Александре, идея противоположности между гордостью и высокомерием Дария, с одной стороны, и смирением и могуществом Александра, с другой, отразилась вполне и в «Повести об Индийском царстве» на сопоставлении Иоанна пресвитера и императора Мануила, и в «Слове о погибели» на сравнении Владимира Мономаха с Мануилом. Автор «Слова о погибели» даже не называет Мануила императором, а только «жур», т. е. господин. В так называемой «светской повести» об

⁸ Ad. Stender-Petersen and Congrat-Butler. *Anthology of Old Russian Literature*. New York, 1954, стр. 176 («The following passage, however, seems to indicate a purely epic folk motif of the Greek emperors veneration for the Russian princes was drawn into the poem»).

⁹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 96—98; Н. И. Серебрянский. *Древнерусские княжеские жития*. М., 1915, стр. 210; A. V. Soloviev. *Le Dit de la Ruine de la Terre Russe*, стр. 124; A. Stender-Petersen and Congrat-Butler. *Anthology of Old Russian Literature*, стр. 176; Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955, стр. 3. Однако исследователи не объясняют, каким образом литературное сопоставление Владимира Мономаха с Мануилом Комниным в памятнике XIII в. вырастает до размеров большой легенды XV—XVI вв. присылки Константином Мономахом (1042—1055) царского венца, барм, золотой цепи, чаши и креста.